

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Научная статья
УДК 94(3)
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-560-573

Patrium amnem: образ Нила в римском изобразительном искусстве и литературе в конце I века н. э.

Марк Сергеевич ЧИСТАЛЕВ

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23
marcus7@mail.ru

Аннотация. Сопоставлен образ Нила, сформированный римскими авторами в литературе эпохи Флавиев, со специфически выраженным интересом к египетской культуре, воплотившимся в так называемых Нильских сценах. Отмечено, что применительно к концу I века н. э. было бы неверно утверждать, что риторические нападки на Египет, особенно свойственные правлению Октавиана, полностью прекратились: они продолжили существовать параллельно с новыми по-имперски политизированными взглядами, менее презрительными, но в любом случае подчеркивающими значимость завоевания Египта. Сформулирован вывод, что для Стация, равно как и для Валерия Флакка, Нил по-прежнему остается политизированным объектом, но фокус политической трактовки смещается с резкой критики инаковости новой провинции в сторону переосмысления пространства нильской долины как неотъемлемой части империи. Нилу отводится лишь роль связующего звена между событиями далекого (чаще всего мифического) прошлого и настоящего. При этом из всего многообразия сюжетных линий эпохи Юлиев-Клавдиев наиболее устойчивыми оказываются негативные мотивы произведений Вергилия и Лукана. В то же время политические мотивы, столь характерные для литературы второй половины I века н. э., не находят напрямую своего отражения в Нильских сценах.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, Нил, римская литература, восприятие иноземной культуры

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Для цитирования: Чисталев М.С. Patrium amnem: образ Нила в римском изобразительном искусстве и литературе в конце I века н. э. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 560-573. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-560-573>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-560-573

Patrium amnem: the image of the Nile in Roman art and literature in the late 1st century AD

Mark S. CHISTALEV

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation
marcus7@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Чисталев М.С., 2022

Abstract. The image of the Nile, formed by Roman authors in the literature of the Flavian era, is compared to the so-called Nilotic scenes embodying a specifically expressed interest in Egyptian culture. It is noted that in relation to the end of the 1st century AD it would be incorrect to say that rhetorical attacks on Egypt, especially inherent of Octavian's reign, have completely ceased: they continued to exist in parallel with new imperially politicized views, less contemptuous, but in any case emphasizing the importance of the conquest of Egypt. The conclusion is made that for Statius, as well as for Valerius Flaccus, the Nile remains a politicized object, but the focus of political interpretation is shifting from sharp criticism of the otherness of the new province towards rethinking the space of the Nile Valley as an integral part of the empire. The Nile is assigned only the role of a link between the events of the distant (mostly mythical) past and the present. At the same time, of the whole variety of plot lines of the Julio-Claudian era, the most stable are the negative motives of the works of Virgil and Lucan. At the same time, the political motives so representative of the literature of the second half of the 1st century AD are not directly reflected in the Nilotic scenes.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, Nile, Roman literature, perception of foreign culture

Acknowledgements: The work is fulfilled under support of Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374 "The Imperial Mediterranean: Models, Discourses and Practices of Imperialism from Antiquity to the Early Modern Age".

For citation: Chistalev M.S. Patrium amnem: obraz Nila v rimskom izobrazitel'nom iskusstve i literature v kontse I veka n. e. [Patrium amnem: the image of the Nile in Roman art and literature in the late 1st century AD]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 560-573. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-560-573> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Обширная тема межкультурного диалога Египта и Рима, охватывающая период не менее пяти веков, включает в себя множество различных аспектов, среди которых можно назвать и экспансию эллинизированных египетских религиозных культов, и отторжение традиционных египетских верований, связанных с зооморфной иконографией, и рас-

пространение на территории Рима и Италии различных объектов, относящихся к категории *Aegyptiaca Romana*, и представления о Ниле с ежегодными разливами, приносящими плодородный ил и обеспечивавшими развитие и процветание всего Египта. Однако, если в правление Юлиев-Клавдиев, учитывая исторические реалии, образ Нила закономерно был вовлечен в процесс гиперболизации опасности, исходившей от Египта для Рима,

где Нил персонифицировался со злейшим врагом Рима – Клеопатрой, становясь воинственным началом, несущим угрозу Риму, то к моменту прихода к власти Флавиев Египет уже почти сто лет был неотъемлемой частью римской державы, что не могло не сказаться и на представлениях о Ниле.

Ключевой особенностью данного исследования является применение компаративного метода для сопоставления образа Нила в римской литературе эпохи Флавиев с визуализацией этого образа, воплотившейся в Нильских сценах. Принимая во внимание тот факт, что активное распространение Нильских сцен хронологически совпадает с упоминанием Нила в римских литературных источниках, сравнительный анализ позволит выделить как общие черты, так и возможные различия, свойственные художественной и риторической иконографии исследуемого образа. В таком формате заявленная тема представлена впервые, подобных исследований ни в зарубежном, ни в отечественном антиковедении до настоящего времени не проводилось.

В зарубежной историографии основной акцент был сделан на Нильских сценах, которые долгое время связывались с культом Исиды. Однако в последние десятилетия сформировался подход, подразумевающий отказ от безоговорочной религиозной трактовки *Aegyptiaca Romana* без надлежащего исследования того контекста, в котором они создавались или использовались [1]. Это, в свою очередь, предполагает и переосмысление трактовки Нильских сцен, являвшихся не столько художественной фиксацией традиционного образа жизни египтян, а, скорее, как верно подметила К.Е. Бэррет [2, р. 51-55], сложным переплетением египетских реалий и *interpretatio Romana*, дополненных формированием римской идентичности посредством противопоставления образу «чужих» на примере египтян.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наступившая после смерти Нерона нестабильность власти спровоцировала актуа-

лизацию полузабытых образов и стереотипов римлян в отношении Египта в целом и Нила в частности. Именно поэтому перед непосредственным изучением литературного и визуального образа Нила необходимо рассмотреть межкультурные контакты Египта и Рима в их историческом контексте.

Отправной точкой исследуемого периода следует считать так называемый *annus quattuor imperatorum*. Включение в борьбу за власть Веспасиана стало новым символическим этапом «возвращения» Египта в коллективное сознание римлян. Именно египетские легионы под командованием Тиберия Александра, стоявшие в Александрии, первыми признали Веспасиана императором (*Tac. Hist.* II. 79). Возможность в случае необходимости перекрыть поставки зерна в столицу империи, а также использовать финансовые богатства Египта представлялась Веспасиану одним из способов свержения Вителлия и принуждения Рима к сдаче на его милость (*Tac. Hist.* III. 8. 2; III. 48. 3; *Jos. VJ.* IV. 10. 5).

Однако пребывание Веспасиана в Александрии не ограничивалось лишь решением стратегических задач для достижения успеха в военных действиях. Смерть Нерона и очередная смена на римском престоле нескольких правителей привела к болезненным последствиям во всей римской державе [3, с. 141]. Веспасиан, таким образом, должен был выступить в роли спасителя от междоусобицы (*Suet. Vesp.* 7. 1). Идеологическим основанием для возвеличивания значимости будущих деяний нового императора стали так называемые «чудеса исцеления», напрямую связанные с богом Сераписом (*Tac. Hist.* IV. 81–82; *Suet. Vesp.* 7; *Dio Cass.* LXVI. 8). Символическое значение произошедшего с Веспасианом очевидно: как верно отметила Б. Левик, описанные в источниках события являются метафорой «заживающих» благодаря действиям нового правителя «ран» империи [4, р. 68].

Следует отметить, что уже с момента прибытия Веспасиана в Египет образ Нила становится одним из ключевых элементов в

символическом возвеличивании будущего императора. В источниках можно обнаружить сразу несколько упоминаний, связывающих Веспасиана с Нилом. Дион Кассий указывает, что вступление Веспасиана в Александрию сопровождалось поднятием уровня воды в Ниле за одни сутки на одну палесту¹ выше обычного (Dio Cass. LXVI. 8. 1). Флавий Филострат в биографии неопифагорейца Аполлония Тианского, описывая пребывание Веспасиана в Египте, указывает, что, не успев еще толком разобраться в городских делах, он обратился к египтянам с призывом: «Пользуйтесь мною, как Нилом» (Philostr. VA. V. 28).

Помимо литературных сообщений, на стенах храма Монту в Медамуде сохранился рельеф, на котором жрец Амон-Ра преподносит Веспасиану нильский разлив в качестве подношения [5, p. 140; 6]. Одна из крупнейших водных артерий мира, по всей видимости, произвела на уже немолодого императора настолько сильное впечатление, что Веспасиан разместил в Templum Pacis огромную статую Нила с развязанными вокруг него шестнадцатью детьми, под которыми подразумевалось аналогичное количество локтей уровня подъема реки² (Plin. NH. XXXVI. 58).

Выбор Нила в качестве одного из основных элементов пропаганды для укрепления статуса нового императора представляется уникальным: Нил все больше начинает позиционироваться не только как удивительный географический объект, природное чудо, но и как символический образ самого Египта.

В то же время, в преддверии столетия с момента завоевания Египта войсками Октавиана, исторические параллели внутриримского гражданского противостояния как ключевого обстоятельства, изменившего судьбу государства, были все более очевидными. Однако Флавию не стали возвращаться к идеологическим постулатам времен Августа, сделав акцент на значимости роли Егип-

та для экономической стабильности, гарантировавшей поставки зерна в Рим, а также для империи в целом [7, S. 119]. Тем не менее было бы неверно утверждать, что риторические нападки на Египет полностью прекратились: они продолжили существовать параллельно с новыми по-имперски политизированными взглядами, менее презрительными, но в любом случае подчеркивающими значимость завоевания Египта.

Литературный образ Нила. Первым произведением исследуемого периода, на котором следовало бы подробно остановиться, является поэма Гая Валерия Флакка «Аргонавтика». Сам сюжет был хорошо известен в античную эпоху, в том числе благодаря поэме александрийского поэта Аполлония Родосского. Точное время создания произведения неизвестно, но, учитывая наличие хвалебного посвящения императору Веспасиану (V. Fl. I. 7–21), можно с уверенностью утверждать [8, p. XI], что поэма была написана между 70 и 79 гг. н. э.

Всего Нил в той или иной форме появляется в тексте Валерия Флакка 6 раз (V. Fl. III. 357–361; IV. 344–422; V. 415–428; VII. 607–613; VIII. 183–191), однако часть сюжетных линий не представляет интереса в контексте целей и задач настоящего исследования, поскольку образ Нила не содержит в себе описания, позволяющего сделать выводы о специфике римского восприятия, а, скорее, используется автором для более детализированного пересказа мифологического сюжета.

В третьей книге Нил упоминается в эпизоде посещения аргонавтами долионов, известному также по описанию Аполлония Родосского (Ap. Rhod. Argon. I. 936–1158). После гостеприимного приема у юного царя Кизика, правившего на одноименном полуострове в Пропонтиде, аргонавты выходят в море. Однако в ночь, когда рулевой Тифис засыпает (V. Fl. III. 39–42), их снова отбрасывает к берегу Пропонтиды, где они подвергаются нападению. Не разобравшись во мраке, что сражаются с долионами, аргонавты побеждают вражеских воинов, а Ясон лично убивает царя Кизика (V. Fl. III. 239–241). С появлением первых лучей солнца ар-

¹ Мера длины, составляющая 77 мм.

² 16 локтей (около 8,5 м) – идеальный уровень разлива Нила, гарантировавший хороший урожай в Египте.

гонимы осознают, что сражались со своими друзьями и присоединяются к траурным мероприятиям, оплакивая вместе с долионами смерть молодого царя и его подданных (V. Fl. III. 257–361). Если Аполлоний Родосский описывает только погребение Кизика, то Валерий Флакк включает сцену похорон его воинов, добавляя драматизма параллелями с Нилом (V. Fl. III. 357–361).

У. Гетнер в своей монографии, посвященной трактовке аллегорий Валерия Флакка, отметила, что, несмотря на общий траур, он называет Нил солнечным, снижая уровень меланхолии, и вопреки трагическому концу показывает читателю умиротворяющую картину [9, S. 254]. Э. Манолараки указывает, что упоминание Мемфиса, древней столицы Египта, выглядит попыткой изобразить реку не в качестве риторической абстракции, а как реально существующий «физический» объект [10, p. 139]. Более того, отсылки к Мемфису, учитывая распространенные ассоциации города с его древним некрополем, вносят в описание траура представления о загробной жизни, сильно развитые именно в Египте.

Учитывая дружескую атмосферу и гостеприимный прием, оказанный Кизиком Ясону, весь эпизод может считаться аллегорией гражданской войны [11], а Нил Валерия Флакка становится, по выражению Д. Магуйра, своего рода «историческим предшественником трагического Нила Лукана» [12, p. 104-108]. Э. Циссос, признавая влияние Лукана на творчество Валерия Флакка, указывает, что его мотивы привносят в «Аргонавтику» чувство разобщенности [13, p. 36]. Таким образом, Нил становится пространством, связывающим мифическое сражение с негативными для римлян историческими событиями, в которых Египет является ареной для гражданского противостояния и последующего завоевания.

В другом сюжете, связанном с древнегреческим мифом о странствии Ио (V. Fl. III. 344–422), Валерий Флакк подражает Овидию (Ov. Met. I. 583–751). В песне Орфея Нил упоминается дважды (в начале и в конце), что отличает изложение мифа Валерием

Флакком в том числе от версии Овидия [14, p. 205], обращавшегося к Нилу только как к конечной точке странствий Ио, где она смогла вернуть себе человеческий облик (Ov. Met. I. 727–747). Э. Манолараки считает, что такое цикличное упоминание Нила было необходимо не только для увязки в единую повествовательную линию трансформации Ио в Исиду³, но и для демонстрации преемственности культа богини от греческой традиции к эллинистическому Египту и далее к Риму эпохи Веспасиана [10, p. 145-146]. В этой связи Нил представляется как символ движения во времени от мифологического прошлого до эпохи самого Валерия Флакка: от Нила, выступающего в роли бога-защитника Ио, до Нила в качестве символа могущества водной стихии в Храме Мира Веспасиана. Более того, Нил выступает в роли своеобразного «культурного потока» между Римом (центром империи) и средиземноморской периферией [10, p. 146]. С этой точки зрения Нил становится одновременно и конечной точкой повествования (и самого путешествия Ио), и в то же время отправной точкой возвращения Ио/Исиды с берегов Нила в Рим. Развивая эту мысль, можно предположить наличие в аллегории Нила Валерия Флакка символической модели взаимоотношений Рима с Египтом, который являлся как конечной целью имперских устремлений Августа, так и началом имперской власти Веспасиана.

В последней книге эпоса Валерий Флакк обращается к образу Нила несколько раз, причем не всегда напрямую указывая его название. Ключевым становится упоминание семи рукавов дельты Нила (V. Fl. VIII. 90–91). Эргин, призывая изменить маршрут и пойти по Дунаю, неоднократно повторяет, что он разделяется на семь протоков (V. Fl. VIII. 187), что недвусмысленно отсылает читателя именно к Нилу.

О семи устьях Дуная Валерий Флакк пишет первый раз еще в конце четвертой книги, когда описывает реки, впадающие в Черное море (*septemgemini memorem quas*

³ Об отождествлении Ио и Исиды писал еще Геродот (Hdt. II. 41).

exitus Histri, V. Fl. IV. 718). Подобное отождествление Нила и Дуная основано, в первую очередь, на античной традиции сравнения этих двух великих рек⁴. Кроме того, как подчеркивает Э. Манолараки, учитывая значительную романизацию греческого мифа Валерием Флакком, добавление Дунаю дополнительных устьев выглядит как своеобразное «улучшение» предшествующей традиции с добавлением специфических римских воззрений [10, p. 161]. С помощью переноса знакомых римлянам географических особенностей Нила на удаленный Дунай, Валерий Флакк пытается приручить негостеприимную стихию, получить над ней когнитивный контроль. Таким образом, отождествление Нила и Дуная в «Аргонавтике» В. Флакка является скорее перцептивным видением, нежели реальными географическими трансформациями.

В целом, Нил в поэме Валерия Флакка имеет вневременной характер, периодически переходя из состояния мифической реки в современную автору реальность: Нил Ио; Нил Сесостриса; воображаемый Нил аргонавтов, ассоциирующийся с Дунаем; Нил Веспасиана. Другими словами, Нил в «Аргонавтике» В. Флакка – это культурно-географический топос, который он переносит в различные пространственно-временные реалии.

Важно отметить, что Валерий Флакк практически не дает прямых оценочных характеристик Нилу, однако, очевидно, что для него Нил – это, в первую очередь, хорошо знакомая римлянам покоренная река, символизирующая собой Египет. При этом, с одной стороны, в отличие от эпохи Юлиев-Клавдиев, образ Нила меняется, пропагандистские постулаты Августа практически забыты, и Нил становится частью новой имперской мифологии Веспасиана, в которой нет подчеркнуто выраженного разделения на римское и «чужое». В символическом значении получение власти Веспасианом становится новым триумфом Рима над Египтом.

⁴ Подобное сравнение можно найти у Лукана (Luc. II. 400–409) и Сенеки, который несколько раз сравнивает Нил с Дунаем (Sen. Q. Nat. III. 22, IV. 1.1).

Кроме того, под влиянием Лукана Нил оказывается аллегорией конфликта, причем как внутреннего, так и внешнего. В этом и заключается специфика двойственности нильского дискурса Валерия Флакка.

В другом произведении эпохи, «Фиваиде» Стация, деструктивное воздействие Нила выражено в еще большей степени. Несмотря на то, что поэма Стация, являющаяся самым обширным дошедшим до нас поэтическим изложением трагедии о Фивах [15, с. 101], тематически не имеет отношения к Египту, его переосмысление древнегреческого эпоса позволило включить Нил в качестве связующего элемента между мифическим героическим прошлым и современным автору имперским Римом [16, p. 259–260].

Нил упоминается уже в первой книге, где Юнона иронично предлагает Юпитеру истребить ее алтари в пользу культа Исиды: «О, пусть жгут жертвы в мареотидском Копте, пусть медью гремят над током тоскующим Нила!» (Stat. Theb. I. 260–265. Пер. Ю.А. Шичалина).

Стаций подчеркнуто называет Нил тоскующим (Stat. Theb. I. 265), что отсылает читателя к Энеиде Вергилия с его горящим Нилом (Verg. Aen. VIII. 711), который взывает к себе побежденных сынов. Нил Стация не становится кровавой рекой, как у Лукана (Luc. I. 684; VI. 307), однако тоскующий Нил вызывает воспоминания о событиях гражданской войны и, в то же время, соединяет в единое вневременное пространство *bellum civile* и распространение культа богини в Риме, происходившее в том числе благодаря протекции со стороны Флавиев.

Второй раз Стаций обращается к Нилу в третьей книге, когда прорицатель Амфиарай вместе со своим пращуром Мелампом взобрались на холм Персея, чтобы найти предзнаменования неминуемой войны (Stat. Theb. III. 451–469). Э. Фатнам указывает на то, что текст Стация сильно напоминает сюжет из третьей книги Лукана (Luc. III. 199–200), где стаи птиц покидают Стримон, отправляясь к теплому Нилу [17, p. 149]. Схожесть обнаруживается не только в используемой лексике, но и на структурном уровне: обе сюжетные

линии являются описанием промежуточного состояния накануне войны [18, р. 211]. В результате Нил в третьей книге Фиваиды представляется Стацием как некая альтернативная реальность, попасть в которую лебеди уже не могут, вступая на путь противостояния, безусловно [10, р. 167], являющегося для автора гражданской войной. Таким образом, Стаций продолжает использовать образ Нила как исключительно римский метатекст, задающий определенные (заведомо понятные римской аудитории) ассоциации. Он избегает оценочных суждений о самом Ниле, но его ассоциативный ряд включает в себя только события, связанные с гражданской войной и трагическим исходом для многих ее участников.

В четвертой книге Вакх, желая сдержать армию аргосцев, призывает духов ручьев и сельских нимф осушить водные артерии, чтобы изморить противника жаждой (Stat. Theb. IV. 684–701). При этом Стаций сравнивает эффект от его действий с засухой на Ниле (Stat. Theb. IV. 705–710). Такая аллегория позволяет, во-первых, усилить эффект от действий самого Вакха, а во-вторых, возвести до уровня решающего значения в вопросах выживания статус аргосских рек, что уподобляет их Нилу и жителям его долины. Кроме того, Стаций использует идентификацию с Нилом для расширения внутригреческой картины до масштабов имперской географии, более очевидной для его римской аудитории, осведомленной о зависимости поставок зерна в Рим от урожайности (разливов и засухи) в нильской долине.

В последней двенадцатой книге эпоса вдовы аргосских воинов прибывают в Афины, чтобы просить у Тесея заступничества против запрета Креонта на предание тел их умерших мужей огню (Stat. Theb. XII. 548–563). По прибытию в город они прежде всего стремятся попасть к алтарю Милосердия, где их страдания сразу же стихают:

«Только пришли, – и сердца улеглись, и стихли заботы...»

им любо в безоблачном небе снежную мгу презирать и в Ниле от хлада омыться» (Stat. Theb. XII. 514–518. Пер. Ю.А. Шичалина).

Э. Манолараки находит в этом отрывке интертекстуальную взаимосвязь с мифическими странствиями Ио [10, р. 182]. По ее мнению, упоминание Нила здесь символизирует последнее искупление, которое она получила на берегах Нила. При этом именно после прибытия в Египет Ио превращается в Исиду, которую так яростно осуждает Юнона в первой книге. Устанавливая ассоциативную связь алтаря с Нилом, Стаций таким образом символически трансформирует действия аргосских вдов в прошение к Исиде, которая, согласно египетской мифологической традиции, сама стала вдовой и оплакивала своего мужа Осириса.

В целом образ Нила в Фиваиде Стация соотносится с эмоциональной картиной, которую рисует в своей поэме Валерий Флакк. Стаций не испытывает восхищения от мощи неукротимой стихии или от той жизненной силы, которую дает ежегодный разлив заливному лугам. Для него Нил – синоним страданий, вызванных братоубийственной войной. Отсюда и все символические отсылки, заложенные Стацием в сюжеты с упоминанием Нила, направлены, в первую очередь, на римскую читательскую аудиторию, воспринимавшую *bellum civile* не просто как воспоминания мифологического прошлого, а как реальность, через которую Риму пришлось пройти сначала во второй половине I века до н. э., а затем спустя почти сто лет перед приходом к власти Флавиев.

Отдельно стоит остановиться и на сборнике стихотворений Стация под общим названием «Сильвы». В третьей книге Сильв Стаций написал *Proemtion* – прощальные стихи для юноши Меция Целера на его путешествие в Египет в виде гимна богине Исиде с просьбой показать ему все религиозные святыни и знаковые места провинции (Stat. Silv. III. 2. 101–116). Политический символизм гимну придают не только отсылки к смерти Помпея (Stat. Silv. III. 2. 117), но и упоминание Клеопатры (Stat. Silv. III. 2. 119–120), однако образ Исиды как главного адресата обращения Стация позволяет автору трансформировать свои же тематические

пассажи в сцену примирения с историческим прошлым Египта и Рима. По мнению Э. Манолараки, популярный в пропагандистской литературе эпохи Августа образ Исида, ассоциировавшийся с Клеопатрой и ее угрозами Риму, должен рассматриваться в Сильвах Стация с позиции интеллектуальной и культурной победы Рима, а сама Исида и с географической, и с исторической точек зрения становится посредником между Египтом и Римом [10, p. 192].

Упоминание популярной античной загадки об истоках Нила получает у Стация совсем иное смысловое значение: теперь не римляне (как, например, Цезарь у Лукана (Luc. X. 268–277) стремятся ради достижения своих захватнических целей познать эту сокровенную тайну, а сама Исида должна раскрыть секрет Целеру как гражданину, достойному доверия со стороны самого императора (покровителя культа).

По мнению Г. Лагуны, общее настроение гимна значительно контрастирует с негативным расположением римских авторов предыдущего периода к исконно египетским религиозным верованиям, что, по его мнению, отражает поворотный момент в окончательной интеграции египетских культурно-религиозных топосов в римское общественное сознание [19, p. 229]. Другой переводчик и комментатор Стация Б. Гибсон, напротив, считает данный пассаж осуждением традиционных египетских ритуалов [20, p. 359]. Еще со времен гражданского противостояния Антония и Октавиана египетские зооморфные божества стали одним из столпов демонизации Клеопатры, символом войны египетских богов против римских (Verg. Aen. VIII. 695–699). В действительности упоминание неэллинизированных египетских богов в форме вопросительного обращения к Исиде (а не заведомо оскорбительных утверждений), безусловно, является новым этапом восприятия римской интеллектуальной элитой египетских религиозных традиций. Однако терминология, используемая Стацием⁵,

---

⁵ Например, *vilis cur magnos aequant animalia divos* (Stat. Silv. III. 2. 113).

не оставляет сомнения в том, что римляне на данном этапе не были готовы считать нормой поклонение зооморфным богам. Упоминание Нила в этой ситуации имеет, скорее, пренебрежительный оттенок, поскольку Стаций делает акцент на том, что дни беспечного пребывания Аписа не могут длиться вечно, какое бы место в нильской долине он не выбрал [10, p. 206].

Таким образом, вовлечение образа Нила в *Propempticon* для Меция Целера выглядит продуманной попыткой Стация скрыть под общим воодушевляющим гимном египетской богине набор традиционных римских *clichés* в отношении Египта. С одной стороны, он наделяет Нил эпитетом «щедрый» (*fecunda Nili. Silv. III. 2. 119*), но эта щедрость должна служить только во благо Рима, чтобы грузные фаросским хлебом суда (*Silv. III. 2. 23*) продолжали беспрерывно приходить в италийские города.

Во второй половине I века н. э. для Стация, равно как и для Валерия Флакка, Нил по-прежнему остается политизированным объектом, но фокус политической трактовки смещается с резкой критики инаковости новой провинции в сторону переосмысления пространства нильской долины как неотъемлемой части империи. Однако речь идет не столько о радикальном пересмотре концептуального подхода со сменой вектора пропаганды, сколько о более сложном использовании топосов пространства египетской долины Нила в имперской мифологии эпохи Флавиев. Так, для Валерия Флакка Нил, а следом за ним и Египет, становится исключительно римским пространством, даже если значительная его часть не поддается разумному познанию. Что касается Стация, то, используя образ Нила в Фиваиде, он, с одной стороны, расширяет географические границы греческого мира, а с другой стороны, сужает визуальное пространство для своей читательской аудитории до узнаваемого римлянами сценария кровавой и беспощадной гражданской войны.

В целом для эпохи Флавиев не характерно восхищение экзотическим пространством Нила, его природой: многочисленные мифо-

логические параллели полностью подменяют собой Нил, который был частью воображаемого (фантазийного) Египта. В этой связи Нилу остается лишь роль связующего звена между событиями далекого (чаще всего мифического) прошлого и настоящего. При этом из всего многообразия сюжетных линий эпохи Юлиев-Клавдиев наиболее устойчивыми оказываются негативные мотивы произведений Вергилия и Лукана.

Обзор Нильских сцен эпохи Флавиев.

Необходимо подчеркнуть, что географию исследования мы ограничили территорией Италии, так как этот регион наиболее точно отражает именно римское восприятие египетской культуры и наименее зависим от исторических предубеждений жителей других провинций, входивших в состав Римской империи.

Исключительное место в изучении распространения Нильских сцен в Италии занимают Помпеи и соседние населенные пункты, принявшие на себя основной удар от извержения Везувия. Закономерно, что город со столь высокой степенью сохранности объектов, в значительной степени относящихся именно к эпохе Флавиев, сохранил наибольшее количество Нильских сцен этого периода. Всего можно выделить 30 объектов расположения Нильских сцен непосредственно в самих Помпеях, один в Геркулануме, один в Боскореале, один в Стабиях и один в Риме (табл. 1) [21–29].

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это полное отсутствие среди сохранившихся Нильских сцен эпохи Флавиев мозаичных панно: все изображения выполнены в виде фресок. Причем на примере Помпеев можно убедиться, что мозаика как способ декорирования пространства к 79 г. н. э. не перестала пользоваться популярностью среди жителей города. Напротив, после реконструкции, последовавшей за землетрясением 62 г. н. э., во многих домовладениях появились новые мозаичные элементы декора. Причиной, скорее, может служить изменение стилистических образов самих Нильских сцен. Как показывает наш обзор, ко второй

половине I века н. э. традиционные Нильские пейзажи, носившие преимущественно этнографический характер, практически полностью исчезли. Фрагмент фрески из Дома с Оленем в Геркулануме (№ 25) и фрагмент неизвестного происхождения из Национального археологического музея Неаполя (№ 32), которые, на первый взгляд, выглядят исключением, достаточно условно могут быть отнесены именно к традиционным Нильским пейзажам, поскольку на них, кроме нильской флоры и фауны, уже есть изображения архитектурных объектов. Кроме того, совершенно очевидно, что они являлись лишь частью более значительной росписи, в которой могли присутствовать и другие традиционные для Нильских сцен элементы. В то же время общий набор объектов, свойственных Нильским сценам эпохи Юлиев-Клавдиев, не изменился. По-прежнему для них характерно наличие: водной стихии, как правило, идентифицируемой как речная долина; египетской флоры и фауны; речных судов различного размера и карликов.

Несмотря на то, что фрески с изображением жителей долины Нила в образе карликов составляют более половины из рассмотренных в нашем обзоре, нельзя сказать, что именно этот способ отождествления египтян стал единственно возможным или даже определяющим. Во многих домах, как, например, в Доме Цеев, Доме Эфеба или Стабианских Термах, одновременно присутствуют Нильские сцены с карликами и обычными людьми, не имеющими ярко выраженных анатомических аномалий.

Весьма характерным выглядит и месторасположение большинства исследованных Нильских сцен: рядом с нимфеумами, в триклиниях или иных помещениях, где данные изображения могли непосредственно соприкасаться с реальным потоком воды. Экзотический мир нильской долины благодаря близости к источнику воды становился значительно более реалистичным, а водный поток оказывался продолжением Нила, усиливая таким образом эффект присутствия.

Таблица 1

Нильские сцены на территории Италии, относящиеся к эпохе Флавиев

Table 1

Nilotic scenes in Italy dating back to the Flavian era

№ п/п	Тип	Изначальное месторасположение	Датировка	Особенности сюжета
1	2	3	4	5
1	Фреска	Дом Цеев, Помпеи	70-е гг. н. э.	Нильский пейзаж, представляющий собой отдельные островки суши, возвышающиеся над водой; карлики
2	Фреска	Дом Эфеба, Помпеи	70-е гг. н. э.	Речные пейзажи; часовня, статуя Исиды-Фортуны; сцена симплегмы; карлики в тростниковых лодках
3	Фреска	Владения Юлии Феликс, Помпеи	70-е гг. н. э.	Лодка с карликами, тростниковая хижина; нильская флора и фауна
4	Фреска	Дом Геммария, Помпеи	70-е гг. н. э.	Лодки с карликами; ибисы
5	Фреска	Дом Цветочного Ларария, Помпеи	70-е гг. н. э.	Изображения карликов и болотных пейзажей
6	Фреска	Дом Салюстия, Помпеи	70-е гг. н. э.	Группа мужчин вытаскивает на берег лодку; пейзажи речной долины
7	Фреска	Дом Амазонок, Помпеи	70-е гг. н. э.	Изображение Исиды, Сераписа и Харпократа, стоящих на помосте внутри павильона; нильская растительность
8	Фреска	Дом Аполлона, Помпеи	70-е гг. н. э.	Берег реки; женщина, играющая на двойной тибии; многочисленные строения, напоминающие святилища
9	Фреска	Дом Диоскуров, Помпеи	70-е гг. н. э.	Двое мужчин отдыхают под велумом; различные строения; ибисы
10	Фреска	Стабианские Термы, Помпеи	70-е гг. н. э.	Нильская флора и фауна; обнаженные карлики; сцена симплегмы
11	Фреска	Дом Квадриги, Помпеи	70-е гг. н. э.	Сцена симплегмы в лодке, плывущей по реке; спасение карликов от крокодила
12	Фреска	Храм Аполлона, Помпеи	70-е гг. н. э.	Карлики кормят птиц; карлик плывет по реке верхом на крокодиле
13	Фреска	Западная Инсула, Помпеи	70-е гг. н. э.	Животное с телом бегемота и головой крокодила; существо с панцирем черепахи и хвостом, идущее на задних лапах; Анубис с гадюкой в руке; человек защищается от нападения крокодила
14	Фреска	Термы Сарно, Помпеи	70-е гг. н. э.	Река с водоплавающей птицей и различной растительностью; карлик охотится на ибиса
15	Фреска	Дом с Нимфеумом, Помпеи	70-е гг. н. э.	Сцены симплегмы с карликами; змея и утка
16	Фреска	Дом Мозаичных голубей, Помпеи	70-е гг. н. э.	Вооруженный карлик перед крокодилом; небольшая хижина
17	Фреска	Дом Врача, Помпеи	70-е гг. н. э.	Карлики тянут из воды на сушу большого крокодила; группа карликов в лодке отбивает атаку бегемота; сцена симплегмы
18	Фреска	Дом Скульптора, Помпеи	70-е гг. н. э.	Нильские растения и водоплавающая птица; танцующие женщина и двое чернокожих мужчин
19	Фреска	Дом Пигмеев, Помпеи	70-е гг. н. э.	Речная долина с поднимающимися из воды островками суши; колонна, увенчанная статуей Собека; двое карликов плывут по реке на весельной тростниковой лодке

Окончание таблицы 1
End of table 1

1	2	3	4	5
20	Фреска	Питейное заведение, Помпеи	70-е гг. н. э.	Сцены симплегмы с участием карликов, а также некоторые животные нильской долины (крокодилы, бегемоты, различные птицы)
21	Фреска	Один из домов 6-го квартала IX района, Помпеи	70-е гг. н. э.	Изображение реки, карликов и фаллические символы
22	Фреска	Дом Столетия, Помпеи	70-е гг. н. э.	Виньетка в виде маленьких египетских фигурок (сфинкса, кинокефалов и жрецов Исиды); изображения карликов, танцующих и собирающих виноград
23	Фреска	Пригородные термы, Помпеи	70-е гг. н. э.	Участки суши, окруженные речной долиной; храм, перед входом которого находятся статуи сфинксов и львов; карлики
24	Фреска	Вилла Диомеда, Помпеи	70-е гг. н. э.	Карлики рядом с пирамидой и шадуфом; утки среди камышей
25	Фреска	Дом с Оленем, Геркуланум	62–79 гг. н. э.	Речная долина с водоплавающей птицей; огромные лотосы
26	Фреска	Вилла Сан-Марко, Стабии	70-е гг. н. э.	Заболоченный пейзаж дельты Нила с деревьями и кустарниками; крокодил пытается утащить в реку осла
27	Фреска	Вилла фонда Дзурло, Боскорреале	Начало 70-х гг. н. э.	Берег реки с различными постройками; несколько человек плывут на парусной лодке; пирамида, напоминающая нубийские сооружения
28	Фреска	Дом Серебряной Свадьбы, Помпеи	62–79 гг. н. э.	Двое карликов кормят ибисов; изображения уток среди лотосов
29	Фреска	Гробница Вестория Приска, Помпеи	Около 75 г. н. э.	Две парусные лодки с карликами на борту
30	Фреска	Дом Древней Охоты, Помпеи	71–79 гг. н. э.	Сцены сражений карликов с животными нильской долины; карлики в весельной лодке отбиваются от крокодила
31	Фреска	Исеум, Помпеи	62–79 гг. н. э.	Карлики, ибисы, большие крокодилы в окружении растений нильской долины
32	Фреска	Неизвестно	70-е гг. н. э.	Небольшая башня и тростниковая хижина в окружении пальм; в воде плывут бегемот и утка
33	Фреска	Неизвестно	70-е гг. н. э.	Крокодил нападает на лодку, от которой видна только кормовая часть с карликом, держащим в руках рулевое весло
34	Фреска	Рим	70-е гг. н. э.	Речная долина с островком суши, на котором находится алтарь; карлики противостоят нильским животным (бегемоту и крокодилу); водные растения

Исходя из масштаба сохранившихся объектов *Aegyptiaca Romana*, можно сделать вывод, что объединенные вместе многочисленные топосы египетской географии и культуры, дополненные атрибутами сакрально-идиллических пейзажей с участием самих египтян (в большинстве случаев в виде карликов), выступавших в роли беззаботных

жителей долины Нила, живущих в гармонии с природой, сформировали не только визуализированную часть литературного *locus amoenus*, характерную больше для эпохи Юлиев-Клавдиев, но и устойчивый иконографический образ Египта, который, несмотря на свою территориальную удаленность от берегов Италии, воспринимался уже как не-

отъемлемая часть римской державы. В этой связи можно утверждать, что причиной столь широкого распространения Нильских сцен в правление Флавиев становится именно переосмысление роли Египта в общественно-политическом сознании римлян. Он перестал быть исключительно экзотическим пространством далеких путешествий, а те образные конструкты, которые были выбраны завоевателями для обозначения повседневной жизни нильской долины, за сто лет, прошедших с момента покорения Египта войсками Октавиана, стали устойчивой формой восприятия реальности даже египтянами, жившими на территории Италии, о чем свидетельствуют росписи из Исеума в Помпеях.

Политические мотивы, столь характерные для литературы второй половины I века н. э., не находят напрямую своего отражения в Нильских сценах. Тот образ египтян, который в большинстве Нильских сцен используют римляне, по-прежнему несет в себе подтекст критического осуждения «чужих» традиций и культуры в целом. Несмотря на то, что сцены с сакрально-идиллическими пейзажами еще составляют значительную часть от общего количества сохранившихся Нильских сцен периода Флавиев, все чаще

начинают встречаться изображения другого типа, в которых карлики противостоят безжалостной нильской природе. Подобные мотивы достаточно сложно сопоставить с какими-либо сюжетными линиями в литературных произведениях.

ВЫВОДЫ

В заключение хотелось бы отметить, что уже к концу I века н. э. знания о Ниле более не нуждаются в том, чтобы их соотносить с фактами. Топосы египетской культуры вновь получают проверенный временем политизированный оттенок: в литературе Нил переосмысливается римскими авторами как синоним Египта и в то же время метатекст предшествующих исторических событий, а в изобразительном искусстве стереотипные *clichés* продолжают распространяться, не подвергаясь новой атрибуции. Совокупно вся эта сформированная информационная квинтэссенция становится *idée reçue*, для которой значимо только то, что ее постоянно повторяют и что она сама по себе способна культивировать новые квазипредставления о египетской культуре.

Список источников

1. Чисталев М.С. Деконструкция Aegyptiaca Romana: историографические трансформации и постановка проблемы // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. Т. 48. № 4. С. 749-754.
2. Barrett C.E. *Domesticating Empire: Egyptian Landscapes in Pompeian Gardens.* Oxford: Oxford University Press, 2019. 445 p.
3. Циркин Ю.Б. Гражданская война 68–69 гг. как этап становления римской средиземноморской державы // *Вестник древней истории.* 1999. № 4. С. 141-149.
4. Levick B. *Vespasian.* L.: Routledge, 1999. 310 p.
5. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Statues, Reliefs and Paintings.* Oxford: Griffith Institute, 1937. Vol. V. 292 p.
6. Bonneau D. La crue du Nil, divinité égyptienne à travers mille ans d'histoire // *Revue des études byzantines.* 1965. Vol. 23. P. 279-281.
7. Pfeiffer S. *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.).* Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 2010. 378 S.
8. Kleywegt A.J. *Valerius Flaccus, Argonautica, Book 1. A Commentary.* Leiden: Brill, 2017. 510 p.
9. Gärtner U. *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus.* Stuttgart: Steiner, 1994. 360 S.
10. Manolaraki E. *Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus.* Berlin: De Gruyter, 2013. 379 p.
11. Wijsman H.J.W. *Valerius Flaccus Argonautica, Book 6. A Commentary.* Leiden: Brill, 2000. 310 p.

12. McGuire D.T. *Acts of Silence: Civil War, Tyranny, and Suicide in the Flavian Epics*. Hildesheim: Olms-Weidmann, 1997. 256 p.
13. Zissos A. L'ironia allusiva: Lucan's *Bellum Ciuile* and the *Argonautica* of Valerius Flaccus // *Lucano e la tradizione dell'epica latina: atti del Convegno internazionale di studi*. Naples: Guida, 2004. P. 21-38.
14. Murgatroyd P. *A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' Argonautica*. Leiden: Brill, 2009. 363 p.
15. Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Трагическая визуализация образовательного пространства Фив в «Фиваиде» Стация // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 99-117.
16. Braund S.M. A tale of two cities: Statius, Thebes, and Rome // *Phoenix*. 2006. № 60. P. 259-273.
17. Fantham E. The perils of prophecy: Statius' *Amphiaraus* and his literary antecedents // *Flavian Poetry*. Leiden: Brill, 2006. P. 147-162.
18. Snijder H. P. *Papinius Statius Thebaid. A Commentary on Book 3*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1968. 288 p.
19. Laguna G. Estacio, "Silvas" 3 introducción, edición crítica, traducción y comentario. Madrid: Fundación Pastor de Estudios Clásicos, 1992. 426 p.
20. Gibson B.J. *Statius Silvae 5*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 492 p.
21. Schefold K. *Die Wände Pompejis. Topographisches Verzeichnis der Bildmotive*. Berlin: W. de Gruyter, 1957. 378 S.
22. De Vos A., De Vos M. *Pompei, Ercolano, Stabia*. Roma: Laterza, 1988. 380 p.
23. Moormann E.M. *La pittura parietale romana come fonte di conoscenza per la scultura antica*. Wolfeboro, New Hampshire: Van Gorcum, 1988. 288 p.
24. Koloski-Ostrow A.O. *The Sarno Bath Complex. Roma: "L'Erma" di Bretschneider*, 1990. 137 p.
25. Clarke J.R. *The House of Roman Italy 100 B.C.–A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration*. Berkeley: University of California Press, 1991. 411 p.
26. Jashemski W.F. *The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius. Vol. 2*. New Rochelle: Aristide d Caratzas Pub, 1993. 432 p.
27. Mols S.T.A.M., Moorman E.M. *Ex parvo crevit: proposta per una lettura iconografica della Tomba di Vestorius Priscus fuori Porta Vesuvio a Pompei* // *Rivista di Studi Pompeiani*. 1994. Vol. 6. P. 15-52.
28. Versluys M.J. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden: Brill, 2002. 509 p.
29. Michel D., Vögele H., Messmer K. *Die Fragmente römischer Wanddekorationen*. Mainz: Von Zabern, 2004. 130 S.

References

1. Chistalev M.S. *Dekonstruksiya Aegyptiaca Romana: istoriograficheskiye transformatsii i postanovka problema* [Deconstruction of *Aegyptiaca Romana*: historiographical transformations and problem statement]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya – Via in tempore. History and Political Science*, 2021, vol. 48, no. 4. pp. 749-754. (In Russian).
2. Barrett C.E. *Domesticating Empire: Egyptian Landscapes in Pompeian Gardens*. Oxford, Oxford University Press, 2019, 445 p.
3. Tsirkin Y.B. *Grazhdanskaya vojna 68–69 gg. kak etap stanovleniya rimskoy sredizemnomorskoy derzhavy* [Civil War of 68th–69th as a stage in the formation of the Roman Mediterranean state]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*, 1999, no. 4, pp. 141-149. (In Russian).
4. Levick B. *Vespasian*. London, Routledge Publ., 1999, 310 p.
5. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Statues, Reliefs and Paintings*. Oxford, Griffith Institute Publ., 1937, vol. 5, 292 p.
6. Bonneau D. *La crue du Nil, divinité égyptienne à travers mille ans d'histoire*. *Revue des études byzantines*, 1965, vol. 23, pp. 279-281. (In French).
7. Pfeiffer S. *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.)*. Stuttgart, Steiner Franz Verlag Publ., 2010, 378 S. (In German).
8. Kleywegt A.J. *Valerius Flaccus, Argonautica, Book 1. A Commentary*. Leiden, Brill Publ., 2017, 510 p.
9. Gärtner U. *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart, Steiner Publ., 1994, 360 S. (In German).

10. Manolaraki E. *Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus*. Berlin, De Gruyter Publ., 2013, 379 p.
11. Wijsman H.J.W. *Valerius Flaccus Argonautica, Book 6. A Commentary*. Leiden, Brill Publ., 2000, 310 p.
12. McGuire D.T. *Acts of Silence: Civil War, Tyranny, and Suicide in the Flavian Epics*. Hildesheim, Olms-Weidmann Publ., 1997, 256 p.
13. Zissos A. L'ironia allusiva: Lucan's *Bellum Ciuile* and the *Argonautica* of Valerius Flaccus. *Lucano e la tradizione dell'epica latina: atti del Convegno internazionale di studi*. Naples, Guida Publ., 2004, pp. 21-38. (In Latin).
14. Murgatroyd P. *A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' Argonautica*. Leiden, Brill Publ., 2009, 363 p.
15. Pichugina V.K., Mozhayskiy A.Y. Tragicheskaya vizualizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva Fiv v «Fivaide» Statsiya [Tragic visualization of the educational space of Thebes in "Thebaid" by Statius]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2020, no. 3(25), pp. 99-117. (In Russian).
16. Braund S.M. A tale of two cities: Statius, Thebes, and Rome. *Phoenix*, 2006, no. 60, pp. 259-273.
17. Fantham E. The perils of prophecy: Statius' *Amphiarus* and his literary antecedents. *Flavian Poetry*. Leiden, Brill Publ., 2006, pp. 147-162.
18. Snijder H. P. *Papinius Statius Thebaid. A Commentary on Book 3*. Amsterdam, Adolf M. Hakkert Publ., 1968, 288 p.
19. Laguna G. *Estacio "Silvas" 3 introducción, edición crítica, traducción y comentario*. Madrid, Fundación Pastor de Estudios Clásicos, 1992, 426 p. (In Spanish).
20. Gibson B.J. *Statius Silvae 5*. Oxford, Oxford University Press, 2006, 492 p.
21. Schefold K. *Die Wände Pompejis. Topographisches Verzeichnis der Bildmotive*. Berlin, W. de Gruyter Publ., 1957, 378 S. (In German).
22. De Vos A., De Vos M. *Pompei, Ercolano, Stabia*. Roma, Laterza Publ., 1988, 380 p. (In Italian).
23. Moormann E.M. *La pittura parietale romana come fonte di conoscenza per la scultura antica*. Wolfeboro, New Hampshire, Van Gorcum Publ., 1988, 288 p. (In Italian).
24. Koloski-Ostrow A.O. *The Sarno Bath Complex*. Roma, "L'Erma" di Bretschneider Publ., 1990, 137 p. (In Italian).
25. Clarke J.R. *The House of Roman Italy 100 B.C.–A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration*. Berkeley, University of California Press, 1991, 411 p.
26. Jashemski W.F. *The Gardens of Pompeii, Herculaneum and the Villas Destroyed by Vesuvius. Vol. 2*. New Rochelle, Aristide d Caratzas Pub Publ., 1993, 432 p.
27. Mols S.T.A.M., Moorman E.M. Ex parvo crevit: proposta per una lettura iconografica della Tomba di Vestorius Priscus fuori Porta Vesuvio a Pompei. *Rivista di Studi Pompeiani*, 1994, vol. 6, pp. 15-52. (In Italian).
28. Versluys M.J. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden, Brill Publ., 2002, 509 p.
29. Michel D., Vögele H., Messmer K. *Die Fragmente römischer Wanddekorationen*. Mainz, Von Zabern Publ., 2004, 130 S. (In German).

Информация об авторе

Чисталев Марк Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кафедры истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-7178-4549](https://orcid.org/0000-0002-7178-4549), marcus7@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.11.2021
Одобрена после рецензирования 08.12.2021
Принята к публикации 14.01.2022

Information about the author

Mark S. Chistalev, Candidate of History, Research Scholar of Research Laboratory of Ancient History and Middle Ages Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7178-4549](https://orcid.org/0000-0002-7178-4549), marcus7@mail.ru

The article was submitted 01.11.2021
Approved after reviewing 08.12.2021
Accepted for publication 14.01.2022